

Сейчас его тело ломило от слабости и боли, в некотором невыразимом месте ощущалась тупая боль, а изнутри даже сочилась какая-то жидкость.

Даже несмотря на то, что Шань Ли никогда не занимался плотскими утехами, теперь-то он прекрасно понял, что переспал с этим добрым мужчиной.

Более того, вполне возможно, что во время всего процесса он сам принудил его к этому!

Чем больше Шань Ли думал об этом, тем сильнее его охватывал ужас.

В этот момент лежавший рядом мужчина проснулся. Походочка, казалось, сон еще не до конца рассеялся, и он лениво прищурился, произнеся:

— Ты проснулся?

Когда он приподнялся, тонкое одеяло соскользнуло, обнажив безупречные линии адониса и рельефный пресс.

Шань Ли было немного неловко смотреть на него, поэтому он опустил голову и угукнул.

Чу Тяньцзэ какое-то время понаблюдал за его смущенным видом, а затем прекратил дразнить, оделся и сказал:

— Это твоя одежда. Переодевайся, умывайся и спускайся вниз завтракать, мне нужно с тобой поговорить.

Шань Ли торопливо отозвался и согласился.

Узнав, что произошло прошлой ночью, Шань Ли совершенно не представлял, как теперь смотреть в глаза Чу Тяньцзэ. На егошеньком красивом личике читалась растерянность. Копошась в ванной, он долго не решался выйти, и только спустя много времени спустился вниз.

Внизу Чу Тяньцзэ сидел в кресле и читал экономический еженедельник. Шань Ли специально выбрал самое дальнее от него место. Он все равно не знал, что сказать, поэтому ел завтрак маленькими кусочками, словно испуганный крольчонок.

Чрезвычайно скованно.

Заметив его вид, уголки губ Чу Тяньцзэ чуть приподнялись:

— Шань Ли, ты меня боишься?

Шань Ли слегка удивился:

— Вы знаете мое имя?

— Ты сам сказал мне прошлой ночи, — во взгляде Чу Тяньцзэ промелькнуло игривое выражение. — Ты еще говорил, что любишь меня.

Шань Ли от неожиданности вскочил на ноги, но вспыхнувшая сзади боль заставила его лицо побледнеть. Он поспешил оправдаться:

— Нет! Вчера я был пьян, э-э... вы наверняка расслышали не так!

Глаза Чу Тяньцзэ слегка потемнели, но этот мрачный и сложный взгляд тут же исчез без следа:

— О? Правда? Но прошлой ночью ты, кажется, тоже говорил, что любишь Чу Тяньцзэ.

— Я не люблю... — Шань Ли инстинктивно хотел возразить, но, сообразив, что речь шла о Чу Тяньцзэ, поджал губы, а его щеки залились румянцем. — Мне действительно нравится Чу Тяньцзэ.

Такой вид забавлял Чу Тяньцзэ. Сидящая перед ним маленькая добыча, похоже, и вправду была им увлечена, а он впервые в жизни встретил столь очаровательного поклонника, и это показалось ему довольно забавным.

Чу Тяньцзэ подушечкой пальца потер платиновое кольцо на среднем мне:

— У Чу Тяньцзэ злой нрав и жестокие методы, разве кто-то может его любить?— Нет, — Шань Ли попытался объясниться. — На самом деле он очень хороший человек. Он собственными силами создал такую огромную бизнес-империю и к тому же каждый год жертвует огромные суммы на благотворительность. И самое главное... кажется, он появлялся в моих снах, и мне кажется, будто я где-то уже видел его.

Упоминая об этом, Шань Ли немного смутился и снова опустил голову.

— Так что, хотя я никогда не встречал его вживую, я действительно очень сильно им дорожу.

Из-за несчастного случая он не помнил событий своего детства.

Но стоило ему произнести имя Чу Тяньцзэ, как в его голове неизменно возникал чей-то смутный силуэт — словно он и впрямь был давным-давно знаком с Чу Тяньцзэ.

Шань Ли опустил взгляд на переплетённые пальцы. Он знал, что эта причина звучит нелепо, но он действительно не лгал.

В это время пронзительный, едва уловимый взгляд Чу Тяньцзэ всё не отрывался от него. В этом взгляде сквозило стремление докопаться до сути: мужчина, казалось, хотел уличить Шань Ли во лжи, однако результат его изрядно разочаровал.

Юноша перед ним был искренен.

Неужели этот парень и впрямь принял его за возлюбленного из своих снов или с первого взгляда вспылал к нему чувствами?

Чу Тяньцзэ не верил в подобную чушь. Будучи дельцом, привыкшим во всём искать выгоду, он верил лишь в вечную выгоду. Чу Тяньцзэ издал короткий, сдержанный смешок, но тут же скроил лицо. Быстро позавтракав, он подошел к Шань Ли, взял его за изящный подбородок, криво усмехнулся и произнес:

— Позволь представиться: я — Чу Тяньцзэ.

Юноша уже давно оцепенело сидел на диване.

Стоило Чу Тяньцзэ назвать свое имя, как юноша впал в состояние предельного напряжения. Его красивое личико окаменело и застыло, а темные глаза то и дело с опаской и воровато — как ему казалось, совершенно незаметно — косились на Чу Тяньцзэ, который сидел на том же диване и занимался рабочими делами.

Во взгляде читались изумление и благоговение.

Чу Тяньцзэ был весьма доволен. Криво усмехнувшись, он спросил:

— Раз уж я тебе нравлюсь, не хочешь ли ты быть со мной?

Быть с Чу Тяньцзэ?

В голове Шань Ли раздался громкий гул, словно его оглушило огромной, внезапной радостью. Румянец залил его лицо, стремительно расплываясь от щек до самой шеи, и он заикаясь произнес:

— Я... я согласен.

— Умница.

Чу Тяньцзэ тихонько засмеялся и погладил его по голове. Прямо при нем он отдал распоряжение дворецкому подготовить для гостя комнату, а разобравшись с этими мелкими заботами, собрался ехать в компанию.

Дворецкий, прижимая к груди папки с документами, проводил его до машины.

Перед отъездом Чу Тяньцзэ заметил, что Шань Ли все еще завороченно смотрит на него, и легонько коснулся губами его уголка рта:

— Побудь пока дома, жди меня.

Шань Ли глуповато кивнул. Вернувшись в комнату и проводив взглядом удаляющуюся машину Чу Тяньцзэ, Шань Ли стер с лица выражение зависимости, сменив его на свое привычное холодное выражение.

Цзюйхуа Лин засиделся в пространстве Системы и ужасно соскучился по простору. Убедившись, что поблизости нет чужих, он тут же выпрыгнул наружу. Повертев своим пухленьким розовым личиком по сторонам, он негодуя произнес:

— Хозяин, этот старый мерзавец Чу Тяньцзэ — та еще сволочь! Он установил тут скрытые камеры!

— Но, к счастью, у тебя есть я, Хозяин, можешь не переживать. Я уже взял под контроль всю систему видеонаблюдения и ручаюсь, что этот старый хрыч ни за что не услышит наш разговор!

Шань Ли вполне доверял этой похожей на хризантему Системе. Сидя на краю кровати и погрузившись в задумчивость, он вдруг услышал, как Цзюйхуа Лин хихикнул:

— Докладываю Хозяину: мы уже внедрились в стан врага, не пора ли нам перейти к следующему шагу?

— Например?

— Измываться над ним, конечно! Сделать так, чтобы этот подлец страдал от безответной любви и умолял нас на коленях!

Цзюйхуа Лин выглядел так, будто не терпелось немедленно приступить к делу, а из уголка его рта даже потекла слюна.

Шань Ли: «.....»

Похоже, эта Система была немного не в своем уме.

К тому же он сам был шом, и идея перехватить инициативу в постели его совершенно не привлекала.

Ему не слишком хотелось общаться с этой глупой Системой, поэтому он продолжил размышлять о дальнейших действиях.

Прошлой ночью все шло строго по его плану.

Он прекрасно знал, что Чу Тяньцзэ снова подсыпал ему лекарство, но просто подыграл ему. Что же касается его слов о любви к Чу Тяньцзэ — все это было чистой воды выдумкой.

Однако первоначальный хозяин тела действительно потерял детские воспоминания в автомобильной аварии.

Шань Ли легко постучал пальцами по столешнице.

Интуиция подсказывала ему, что утерянные воспоминания прежнего владельца имеют огромное значение, поэтому при случае обязательно стоило бы в этом разобраться.

Но первоочередной задачей на данный момент было постараться оставить глубокий след в сердце Чу Тяньцзэ.

Только так он сможет провернуть все так, чтобы одержать верх, когда вернется Чэн Чэнь, белая луна в сердце Чу Тяньцзэ.

Ровно в полночь, разобравшись с документами компании, Чу Тяньцзэ вернулся в особняк.

То, что в прихожей первого этажа горел свет, не было чем-то необычным — дворецкий гасил огни только после его возвращения.

Но чего Чу Тяньцзэ никак не ожидал, так это того, что в столь поздний час Шань Ли все еще ждет его.

Едва переступив порог, он заметил свернувшегося калачиком на диване юношу.

Похоже, юноша ждал его возвращения, но не выдержал и заснул. Он лежал на диване, слегка прикрыв глаза, и, должно быть, видел во сне что-то прекрасное, судя по чуть приподнятым уголкам губ, которые придавали ему вид абсолютно счастливого человека. Чу Тяньцзэ подсознательно смягчил движения, положил питондже, подошёл к юноше и протянул руку, чтобы нежно коснуться его щеки.

Юноша от прохлады слегка съёжился, но от этого не проснулся, а напротив, потёрся о чужую ладонь и невольно пробормотал во сне:

— Чу Тяньцзэ...

Зрачки Чу Тяньцзэ резко сузились, он вскочил на ноги и случайно задел журнальный столик.

Резкий звук, изданный столиком, разбудил юношу.

Шань Ли открыл глаза и, увидев Чу Тяньцзэ, послушно улыбнулся ему:

— Ты вернулся?

Чу Тяньцзэ хмыкнул в знак подтверждения. Его взгляд упав на изобиловавший блюдами обеденный стол, он заметил, что еда нетронута, и слегка замер:

— Ты не поужинал?

Шань Ли покачал головой, выглядя немного расстроенным:

— Я вообще-то хотел подождать тебя, но не удержался и заснул... Ты ел на ночь?

Столкнувшись с полным надежды взглядом Шань Ли, Чу Тяньцзэ почувствовал некоторое смятение. В конце концов, кто-то впервые делал для него подобное, и он проглотил слова отказа, лишь слегка покачав головой.

Прекрасные тёмные глаза Шань Ли словно заискрились красками. Он вскочил, побежал на кухню и с удивительным мастерством разогрел некоторые из блюд, а спустя время выставил их на стол.

Сделав первый укол, Чу Тяньцзэ нахмурился. Еду готовил не повар из виллы, но вкус оказался неожиданно приятным:

— Это ты приготовил?

— Угу, вкусно?

Чу Тяньцзэ не поскупился на похвалу.

Шань Ли остался предельно доволен, вся усталость с его лица мгновенно испарилась, а взгляд, устремлённый на мужчину, наполнился близостью и обожанием.

Сердце Чу Тяньцзэ забилося на два удара быстрее обычного.

Вернувшись в комнату, он долго успокаивался, пока в его глазах вдруг не сверкнул острый блеск. Он сделал телефонный звонок и велел секретарю подготовить один документ.

— Три дня. Через три дня принеси мне соглашение.

— Слушаюсь, генеральный директор.

В последующие дни Шань Ли оставался на вилле и изоощрялся в приготовлении еды для Чу Тяньцзэ. Цзюйхуа Лин, глядя на вкуснейшие блюда, сокрушалось обильным слюноотделением и испытывало к Чу Тяньцзэ жгучую зависть, смешанную с ревностью:

— Великий Хозяин системы, до чего же ты удивителен, способен сотворить такую вкуснятину!

С точки зрения Цзюйхуа Лин, его собственный Хозяин системы наверху мог покорить деловой мир, а внизу — завоевать кухню, просто само совершенство!

Движения Шань Ли слегка замедлились, а во взгляде сгустилась непроходящая мрачность и тоска. Эту кулинарную искусно приготовленную стряпню он когда-то освоил ради Ло Цзысюя. Ло Цзысюй был привередлив в еде, и, чтобы угодить ему, он бесчисленное количество раз обжигал и резал пальцы.

В конце концов все искренние чувства ушли в никуда.

Цзюйхуа Лин почувствовало, что у Шань Ли ужасное настроение, и не смело больше ничего говорить, боясь вновь потревожить шрамы в сердце Хозяина системы. Оно молча наблюдало, как Хозяин продолжает исправно играть свою роль.

5. Замена для белого лунного света деспотичного мерзавца-президента

.....

Эти три дня Шань Ли не только готовил для Чу Тяньцзэ, но и разминал ему плечи, когда тот уставал за документами. Тогда Чу Тяньцзэ хвалил Шань Ли за заботу, и одной этой короткой похвалы было достаточно, чтобы Шань Ли радовался весь день.

Шань Ли тоже очень нравилась такая жизнь.

В его сердце теплилась надежда: он мечтал всегда жить с Чу Тяньцзэ вот так.

Но на третий день вечером, когда Чу Тяньцзэ вернулся на виллу, принесённый им документ полностью разрушил то трепетное желание, что Шань Ли так бережно прятал в глубине души.

Чёрным по белому — тоненькая бумага, которая обретала юридическую силу стоило им лишь поставить свои подписи.

Соглашение о содержании.

Документ держали прохладные пальцы Чу Тяньцзэ, а холод в его глазах заставил Шань Ли побледнеть.

Слегка дрожащими руками он взял этот документ. Коснувшись при этом пальцев Чу Тяньцзэ, он невольно вздрогнул, втянул голову в плечи и, опустив взгляд, принялся внимательно вчитываться в каждую строчку.

Долгое время стояла тишина.

— Подпиши.

Чу Тяньцзэ бесстрастно смотрел на него.

Шань Ли приоткрыл рот, его голос прозвучал сдавленно:

— Разве ты не говорил, что будешь со мной?

Безжалостные губы Чу Тяньцзэ шевельнулись, словно насмехаясь над несбыточными мечтами Шань Ли, и уголки его рта изогнулись в ухмылке:

— Это трёхлетнее соглашение о содержании. Стоит тебе подписать его, и мы будем вместе все эти три года.

Всего три года.

Если не произойдет непредвиденного, через три года человек, по которому он так сильно тоскует, вернется на родину и появится перед ним.

— Но я хочу совсем не этого...

Глаза Шань Ли покраснели.

Это соглашение о содержании было сродни поиску покровителя в шоу-бизнесе: другие ищут спонсоров ради лучших ресурсов, но он не такой — он просто, искренне хочет быть с Чу Тяньцзэ.

Услышав это, Чу Тяньцзэ легко усмехнулся. Неизвестно когда он успел закурить, и от легкого движения его пальцев пепел упал прямо на Шань Ли.

— Я знаю, чего ты хочешь: крупную сумму денег, лучшие киноресурсы, покровителя, способного прикрыть тебя.

Видя на лице Шань Ли выражение глубокого унижения, он даже нашел это забавным. Ему было непонятно, чем еще может быть недоволен Шань Ли, раз он предложил столько щедрых условий.

— Или, может быть, ты хочешь, чтобы я и вправду полюбил тебя?

С этими словами Чу Тяньцзэ расхохотался, словно услышал какую-то невероятно смешную шутку. Смеясь, он вдруг взглянул на него еще более ледяным и свирепым взглядом, грубо схватил Шань Ли за подбородок, заставляя поднять голову, и жестоко бросил:

— У тебя нет на это права.

Его, Чу Тяньцзэ, сердце принадлежит только Е Цинцзэ, и он никому не позволит занять место Е Цинцзэ.

Подбородок мгновенно посинел. Шань Ли сдавленно охнул от боли, его глаза покраснели, а слезы застряли в уголках глаз. Заставляя себя не плакать, он стиснул зубы и упрямо уставился на Чу Тяньцзэ:

— Я не буду подписывать это соглашение!

Рука Чу Тяньцзэ сжалась сильнее, во взгляде мелькнуло безумие:

— Повтори ещё раз?

— Я не подпишу!

Едва смолкли эти слова, как Шань Ли полетел на кровать. Чу Тяньцзэ сорвал с него одежду и набросился сверху.

Разозленный сопротивлением Шань Ли, он связал ему руки ремнем и вошел внутрь, не воспользовавшись никакой смазкой.

У Шань Ли от боли потемнело в глазах, все его отчаянные попытки сопротивляться не принесли ни малейшей пользы.

Чу Тяньцзэ продолжал действовать по своему усмотрению.

Он действительно проявил себя как коварный делец: в конце концов он даже заставил Шань Ли прижать палец к документу, оставив на соглашении отпечаток, окрашенный багровым.

Глядя на эту красную точку на белоснежном листе с черными буквами, Шань Ли наконец не выдержал и горько зарыдал.

—

Шань Ли несколько дней не мог встать с постели, едва не лишившись половины жизни.

Все это время Чу Тяньцзэ не появлялся, что дало Шань Ли долгожданную передышку — ему не нужно было продолжать разыгрывать перед ним комедию.

Однако расправа Чу Тяньцзэ оказалась слишком жестокой, и Шань Ли чувствовал глухое раздражение, а в уголках его глаз заледенел холодок.

Цзюйхуа Лин искренне сочувствовало своему Хозяину и без конца пищало под боку, бормоча: Чу Тяньцзэ — сукин сын, я сам оторву ему яйца, — чем вызывало у Шань Ли лишь молчаливое недоумение.

Уголки рта Шань Ли дернулись. Изысканный, словно из белого нефрита, палец прижался к губам Цзюйхуа Лин, а сам он прищурил холодные глаза и произнес ледяным тоном:

— Малыш, заткнись.

Словно в него вселился гениальный актер, Цзюйхуа Лин мгновенно сбросил всю несерьезность:

— Тогда, Хозяин, что ты собираешься делать дальше?

Шань Ли достал телефон, бросил взгляд на несколько пропущенных вызовов, и на его

прекрасном лице наконец появилась едва заметная улыбка.

— Пора за работу.

— Мэ?

И это всё?

Цзюйхуа Лин похлопало глазами, совершенно ничего не понимая.

—

К тому моменту прошло уже больше недели с тех пор, как агент заманил Шань Ли в бар.

Убедившись, что в тот день повернуть задуманное не удалось, агент принес извинения главному боссу, но за спиной поливал Шань Ли последними словами. Дозвониться до Шань Ли он не мог, и злость агента лишь усилилась — он поклялся во что бы то ни стало преподать Шань Ли урок!

Получив от Шань Ли примирительный звонок, агент без тени смущения расплылся в злобной ухмылке и под предлогом заботы отправил его на съемочную площадку.

В той массовке как раз не хватало актера на роль пушечного мяса, поэтому агент порекомендовал Шань Ли режиссеру.

Режиссер был нормальным, остальные работники — тоже, единственной проблемой стал исполнитель главной мужской роли Е Цинцзэ.

Е Цинцзэ попал в компанию одновременно с Шань Ли и дебютировал с ним в один год. Еще во время стажировки он жутко завидовал Шань Ли, который превосходил его и внешностью, и актерским мастерством.

Все эти годы он то и дело отпускал в адрес Шань Ли едкие насмешки, а сегодня, увидев, что Шань Ли досталась роль мелкого персонажа для битья, играющего с ним в паре, Е Цинцзэ и вовсе не собирался сдерживаться.

Глядя на красивое лицо Шань Ли, Е Цинцзэ с воцарившейся в глазах завистью вальяжно рассаживался в кресле, позволяя ассистенту ухаживать за собой, и самодовольно хвастался:

— Шань Ли, давно не виделись. Не ожидал, что ты скатишься до такой жалкой жизни.

Увидев Е Цинцзэ, Шань Ли поморщился. Он испытывал глухую антипатию к этому человеку из своего потока, поэтому просто бросил небрежное «угу» и отошел подальше.

Ему решительно не хотелось связываться с такими людьми, как Е Цинцзэ.

Заметив отношение Шань Ли, Е Цинцзэ тут же взбесился. Мысленно извергая проклятия, он скривил лицо в отвратительной гримасе.

Он непременно уничтожит Шань Ли!

Следующая сцена началась очень быстро.

Это была сцена противостояния между исполнителем главной роли Е Цинцзэ и персонажем-

пушечным мясом в исполнении Шань Ли.

По сюжету пушечное мясо случайно падает в воду, а главный герой, стремясь показать перед героиней свою храбрость и отзывчивость, прыгает в воду, чтобы спасти его.

Это должен был быть крайне простой и легкий эпизод: Шань Ли всего лишь требовалось упасть в воду и для вида сделать несколько движений, после чего Е Цинцзэ прыгал следом и вытаскивал его.

Но Е Цинцзэ, обладая мелочной душонкой, глядя на то, как Шань Ли барахтается в воде с видом человека, которому не хватает воздуха, испытывал бесконечное злорадство и нетерпеливо начинал придирается:

— Режиссер, прошу прощения. Вообще-то я уже вошел в образ, но кто же знал, что этот статист играет настолько фальшиво, что у меня полностью пропало ощущение реальности.

Один — популярная звезда, другой — безвестный актер из конца титров. Разумеется, режиссер склонен был потакать Е Цинцзэ, даже несмотря на то, что в падении Шань Ли в воду невозможно было найти ни единого изъяна.

И все же режиссер виновато улыбнулся Е Цинцзэ:

— Ничего страшного, в худшем случае просто переснимем пару дублей.

6. Замена для белого лунного света деспотичного мерзавца-президента

Е Цинцзэ улыбнулся еще самодовольнее. Он вовсе не собирался так просто отпускать Шань Ли и теперь намеревался изводить его изощренными придирадками.

То он забывал слова, то медлил с прыжком в воду, до предела разрушая элементарные основы актерской этики.

Находящиеся на площадке сотрудники не смели высказать недовольство вслух, но в душе люто ненавидели эту зазвездившуюся знаменитость.

А пострадавший больше всех Шань Ли выбирался из воды насквозь промокший, опустив взгляд так, что никто не мог разглядеть выражение его глаз. Хотя на его лице не отражалось никаких эмоций, чуть бледноватая кожа заставляла некоторых сотрудников искренне сочувствовать ему.

Пусть на дворе стояло разгар лета и погода стояла жаркая, но после десятка прыжков в воду, когда ради кадра приходилось раз за разом погружаться с головой и неизбежно захлебываться, это превращалось в самое настоящее мучение.

Цзюйхуа Лин было до глубины души возмущен происходящим:

— Хозяин, этот Е Цинцзэ ведет себя просто возслыхательно! Твой покорный слуга столько лет верховодил где ни попадя, но еще не встречал никого, кто посмел бы обидеть моего Хозяина. Скажи только слово, Хозяин, и я клянусь стереть этого Е Цинцзэ в порошок!

В красивых темных глазах Шань Ли мелькнула мрачная тень, и он неожиданно произнес фразу невпопад:

— Чу Тяньцзэ уже ушел?

— Мэ? — Цзюйхуа Лин на мгновение зависло, но быстро вспомнило о важном событии.

Еще когда Е Цинцзэ впервые начал цепляться к его Хозяину, оно сообщило Шань Ли, что Чу Тяньцзэ прибыл на съемочную площадку.

Выходит, Хозяин стерпел все издевательства лишь для того, чтобы не разрушить свой образ перед Чу Тяньцзэ?

Мысленно размышляя об этом, Цзюйхуа Лин вновь разъярилось:

— Он ушел! Ах ты ж Чу Тяньцзэ, сволочь этакая! Увидеть, как над его Хозяином так измываются, и даже не вступить — это уже слишком!

Стоя в тени, Шань Ли изогнул губы в загадочной улыбке, его глаза потемнели, а нефритово-белые пальцы потрепали Цзюйхуа Лин по макушке:

— Это всего лишь психологическая игра.

Раз уж Чу Тяньцзэ жаждет, чтобы он, словно послушная ручная зверушка, вилял хвостом и вымаливал защиту, падая на колени...

Тогда он намерен сделать всё вопреки желаниям Чу Тяньцзэ.

<http://bllate.org/book/21501/2203379>